

АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЕНКО

«БУДУТ И РАДОСТЬ, И ГОРЕ, НО ВЕРУ В СЕБЯ, В ЧЕЛОВЕКА ТЫ НЕ ТЕРЯЙ»

СУДЬБА ВЫПУСКНИЦЫ ВГУ ДОКТОРА АГАФЬИ КУРЕНЦОВОЙ

Университетский архив ВГУ утрачен в годы Великой Отечественной войны. Тогда погибли и многие выпускники университета. Вполне возможно, что ныне среди сохранившихся в истории вуза свидетельств уже нет упоминаний о замечательном враче Агафье Ивановне Куренцовой, выпускнице медицинского факультета 1926 года. Но на символической переключке памяти её имя должно прозвучать обязательно – в числе героев и подвижников, хотя она не была отмечена наградами и званиями.

Агафья Куренцова родилась в деревне Алексеевка (Шереметьево) Кромского уезда Орловской губернии в 1897 году. Она была шестым ребёнком в семье фельдшера: крестьянский сын Иван Алексеевич Куренцов в молодости участвовал в русско-турецкой войне 1877 года, при увольнении со службы получил звание военного фельдшера, однако первое время (как братья Пётр и Яков) занимался привычным земледельческим трудом и только спустя несколько лет стал фельдшером земской больницы.

Редкое ныне женское имя Агафья было тогда по-своему известно и чтимо в простом народе: мученица Агафья почиталась заступницей от вреда огненного. Библейская Агафия жила в Сицилии при безбожном гонителе христиан Декии и про-

исходила от знатных родителей, воспитавших её в благочестии. Правитель области Квинтиан, увлечённый красотой юной христианки, решил отвлечь её от христианской веры и с этой целью поместил в дом язычницы-вдовы. Однако жизнь среди веселья и роскоши не расположила к себе Агафию. Не помогли и увещания новоявленной наставницы. Тогда Квинтиан заключил Агафию в темницу, подверг жестоким мучениям огнём, отчего она погибла.

Но вряд ли в день крещения Агафьи – четвёртой дочери уездного фельдшера – кто-то мог даже подумать о будущем совпадении судеб. Хотя уже в детстве на её долю выпало немало испытаний:

утонули во время троицкого купания две старшие сестры, через год умерла мать (Агафье исполнилось только пять лет), а спустя ещё несколько лет ушёл из жизни отец... Благодаря помощи его братьев осиротевшая Агафья окончила Кромскую женскую гимназию и педагогический класс при ней, в 1918 году стала учителем начальных классов в Гуторовской школе. Её мечтой была дальнейшая учёба, овладение профессией врача. А старший брат Алексей, тоже работавший учителем, хотел стать биологом, поступить в Петроградский университет.

Мечты сбываются. У Агафьи так случилось в начале 1920-х годов, когда в орлов-

Агафья Куренцова

скую глубинку добралась информация о том, что Воронежский университет приглашает абитуриентов на медицинский факультет. Агафья стала студенткой, вскоре уехал в Северную столицу Алексей Куренцов.

В числе университетских учителей Агафьи были знаменитый Николай Нилович Бурденко (когда в 1923 году он уезжал из Воронежа в Москву, студенты несли своего кумира до вокзала на руках), Викторин Иванович Бобров, А.И. Ермоленко, Н.В. Словцов, Богушевский и другие преподаватели. Время было архитрудное: скудный паёк и отсутствие средств на жизнь, нехватка учебников, мобилизации студентов-медиков на борьбу с эпидемиями. «Воронежская коммуна» писала в феврале 1924 года: «Пролетарская молодёжь не сдаётся, она до последнего бьётся, собственными руками и мольбами пробивает дорогу к завоеванию науки; днём на подёшнине – один чистит крыши от снега, рискуя каждую минуту, другие таскают кули с солью и отрубями, третьи выгружают и грузят уголь и дрова, а вечером голодные, замёрзшие, изнурённые садятся за учебник и стараются одурманенной головой нагнать упущенное».

Осваивать секреты профессии помогали старые дерптские традиции университета и традиции земской медицины, с любовью и тщанием созданные лаборатории, пособия, медицинские инструменты. И вот последний курс, звучит клятва Гиппократов. В Государственном архиве Орловской области сохранилась копия фотографии выпускницы Воронежского университета Агафьи Куренцовой с однокурсницами, датированная 25 мая 1926 года. На обороте снимка стальным пёрышком начертаны пожелания.

«Дорогая Ганнуся, о тебе осталось у меня самое светлое впечатление как о хорошем человеке и верном товарище! Посматривай иногда на эту карточку и вспоминай нашу студенческую жизнь с её невзгодами и радостями. Л.В.»

«Ганя, друг дорогой! Что тебе написать на прощание, что тебе пожелать? Да не будет ни одного дня в твоей жизни, о котором пришлось пожалеть, как о напрасно прожитом. Надя Ворог.»

«Ганечка, милая! Много нового, много тяжёлого может встретиться ещё нам, будут и радость, и горе, но веру в себя, в человека ты не теряй, моя Ганночка, будь такова, как сейчас. Валя С.»

Агафья Куренцова вернулась из Воронежа на малую родину не одна – приехала с приёмной дочерью Ириной. Первый год после окончания университета работала врачом в Кромской уездной больнице, но вскоре ей предложили самостоятельный участок. В заброшенной барской усадьбе на хуторе

Рыжном было решено открыть сельскую больницу, а главным врачом сюда была назначена Куренцова. Подобрали и название в духе времени – новую лечебницу наименовали в память о казнённых в США участниках движения за права рабочих – Николе Сакко и Бартоломео Ванцетти.

Вот отрывок из воспоминаний Григория Скалдина, работавшего секретарём волостной партийной организации и членом исполкома: «Май 1927 года. Ранним утром в избу-читальню кто-то постучал. Я открыл дверь – передо мной стояла белокурая среднего роста женщина, просто, но со вкусом одетая.

– Куренцова Агафья Ивановна, – отрекомендовалась она, – назначена врачом в Апальковскую больницу.

Председатель волысполкома уехал сдавать экзамен в лесной институт, и я его замещал. Прежде чем прийти ко мне, Куренцова спозаранку осмотрела здание больницы, которой должна была заведовать, и подсобное хозяйство. Осмотр произвел на неё удручающее впечатление...

Куренцова выхлопотала в губисполкоме нужные для оборудования денежные средства, а в то время это было нелегко. К 1 сентября 1927 года больница была готова к приёму больных и скоро стала образцовой. Агафья Ивановна была и хирургом, и акушеркой, и терапевтом, и педиатром. К тому же она оказалась не только дельным врачом, но и настоящей хозяйкой. Для больницы отвели десять гектаров пахотной земли, завели коров, вычистили заброшенные пруды.

В начале июня 1931 года, когда меня избрали председателем колхоза, я получил от Куренцовой записку. Она приглашала посетить больницу по очень важному делу. В этот же день я отправился к ней. Пришлось подождать. Агафья Ивановна делала операцию.

Убедившись, что для больного опасность миновала, Куренцова вышла ко мне и быстро сказала:

– Нам надо поехать в колхоз, по дороге всё объясню!

По пути спросила, знаю ли я, что такое детские ясли. Чтобы не показаться профаном, я ответил, что ясли – это когда детей пеленают и кладут в длинные корыта. Куренцова заразительно засмеялась и долго не могла успокоиться.

– Вы не смущайтесь, – сказала она. – Многие этого не знают. Дошкольное дело у нас только начинается развиваться, и вот по этому поводу я и еду в ваш колхоз!

В деревне Торхово мы подобрали крытый железом дом бывшего богача, с горницей, кухней и спальней. На заседании правления единогласно ре-

шили: ясли открыть. Весть об этом быстро разнеслась среди женщин: одни одобряли, другие сомневались. На помощь опять пришла Куренцова. После её выступления на собрании сомневающихся не осталось. Приём малышей производила сама Агафья Ивановна. Она инструктировала работников яслей не столько рассказом, сколько показом».

Доброжелательная, готовая прийти в любую погоду к больному в дальнюю деревню, опытный и знающий врач с университетским дипломом Агафья Куренцова имела огромный авторитет у местного населения. Была принципиальной противницей аборт, всеми силами боролась за мир в семьях, умела убеждать людей и решать их непростые проблемы. А потому её не только уважали, но и искренне любили.

Когда началась война, больница имени Сакко и Ванцетти, рассчитанная на полсотни коек, почти опустела. И вдруг появился странный пациент – в палату доставили молодого немецкого офицера-лётчика, который был найден без сознания возле подбитого самолёта. Куренцова изо всех сил старалась спасти ему жизнь, хотя, казалось, жизнь эта уже ничего не стоила. Военные обстоятельства вскоре изменились: несколько советских армий под Орлом и Брянском попали в окружение, уже в начале октября 1941 года больница оказалась на оккупированной территории. Прибывшие немецкие врачи забрали

Выпускница ВГУ Агафья Куренцова (стоит справа) с однокурсницами. 25 мая 1926 года

раненого лётчика себе. В знак благодарности лечебницу не закрыли...

А из лесов по ночам сюда тайком потянулись окруженцы. Куренцова организовала подпольную сеть выхаживания: сама делала операции (около трёх сотен), тяжелораненых оставляла в больнице, легкораненых (особенно если это были командиры и комиссары, за которыми рьяно охотились фашисты) распределяла по крестьянским домам и вместе с медсёстрами и нянечками дохаживала их там.

Полковник Моисей Тимофеевич Коваленко вспоминал о побеге из плена: «Мне посоветовали добираться до этой больницы. На третий день вечером я дошёл туда. Врач Агафья Ивановна Куренцова осмотрела меня и, видимо, как безнадежного поместила в прачечной, на топчане с соломой. Но приняла все меры лечения: сделала уколы, дала лекарства и велела накормить. У меня, кроме истощения и дизентерии, было крупозное воспаление легких. Потом она перевела меня в корпус больницы и поместила в коридоре, так как палаты были переполнены... Очень многие воины, в том числе и я, обязаны жизнью Агафье Ивановне Куренцовой».

Муж Куренцовой Иван Васильевич Глушенков, работавший в больнице завхозом, на лошади с телегой объезжал соседние сёла, просил продукты, гражданскую одежду для раненых. Так были спасены четыреста красноармейцев и командиров – большинство из них потом ушло за линию фронта или в партизанские отряды. А чтобы фашисты лишней раз не навевались на хутор, повсюду на просёлках были расставлены фанерные таблички с надписями на русском и немецком языках: «Внимание! Карантин! Сыпной тиф! Въезд запрещён!»

Наладилась связь с партизанами – Куренцова лечила их, передавала в отряды лекарства. Спасала Агафья и мирных жителей от угона в Германию – выдавала справки о неизлечимых болезнях. В больнице собрали самодельный радиоприёмник, по которому ещё с февраля 1942 года получали сводки Советского информбюро. Был готов план уйти всем коллективом к партизанам в Брянские леса, унеся с собой необходимое для организации там нового госпиталя.

Доносы предателей сделали своё дело – в конце августа 1942 года ночью нагрянули немцы, перевернули в больнице всё вверх дном, несколько часов вели обыск, персонал арестовали, больных и раненых расстреляли, разгромленное здание сожгли. Медсестёр и санитарок допросили и отправили сначала в Орёл, потом в рабство в Германию. Агафью Ивановну поместили в одиночную камеру в Кромской тюрьме, зверски пытали, били. Через ме-

сяц увезли в Карачевскую тюрьму. Снова пытали, но она терпела допрос за допросом, ни в чём не сознавалась: ни в помощи красноармейцам, ни в связях с партизанами, ни в выдаче фальшивых справок тем, кому грозил угон в Германию. Несколько недель допросов и пыток... Измученная и искалеченная, она еле держалась на ногах.

Наверное, тогда ей не раз вспоминалось предание о святой мученице: «Когда Агафию бросили в темницу, то ей явился апостол Пётр и исцелил ее раны. Необычайный свет при этом озарил темницу; воины, испуганные этим, разбежались. Святая Агафия, однако, этим не воспользовалась, покорно ожидая мученического венца. На пятый день опять её повели к мучителю. Он велел насыпать на земле горячих углей и раскалённых черепиц и на их груди бросить нагую Агафию. Вдруг раздались удары землетрясения. Испуганный этим, а также возмущением граждан правитель отправил Агафию в темницу, где святая и скончалась, возблагодарив Бога за ту силу и терпение, с какою она переносила мучения. На её могиле построили храм, а когда началось извержение вулкана Этны, жители острова взяли одежду с гробницы святой Агафии и держали её против огня: извержение прекратилось».

Агафья Куренцова погибла в фашистских застенках, место её захоронения неизвестно. Многие годы подвиг был легендой, которую старшие рассказывали юному поколению. И только в 1969 году областная газета «Орловская правда» напечатала очерк исследователя истории подполья Матвея Мартынова под названием «Наша Агафья Ивановна». Автор не только рассказывал о подвиге врача, но и ставил вопрос о необходимости увековечить память о ней. Были потом обращения к центральной власти о присвоении Куренцовой звания Героя Советского Союза (в 1990-е годы – Героя Российской Федерации). Но никаких званий и наград государство для Агафьи не нашло.

Земляки поставили обелиск, рядом с ним положили кусок гранитной скалы из Антарктиды, который привезла в орловскую глубинку Наталья Куренцова – дочь Алексея Ивановича Куренцова (1896–1975), биолога и биогеографа, основателя дальневосточной школы энтомологов, лауреата Сталинской премии, заслуженного деятеля науки РСФСР. Антарктический камень водрузили у школы в селе с необычным названием Алмазово, в шести километрах от того места, где когда-то была больница.

А возле Кромской средней школы по инициативе друга семьи Куренцовых учительницы Нины Михайловны Рождественской (и большей частью на её средства) был открыт памятный знак Агафье

Камень преткновения Агафьи Куренцовой на Аллее Славы в поселке Кромы Орловской области

Ивановне и её брату, бывшему учителю этой школы. Администрация Сосковского района учредила премию имени А.И. Куренцовой лучшему медицинскому работнику. В Соскове одна из улиц носит её имя.

Орловская область стала первым регионом России, где граждане ФРГ начали осуществление проекта «Камень преткновения» в память о мирных жителях – жертвах нацистского режима (в европейских странах уже десятки тысяч таких камней). Возглавил делегацию, побывавшую в 2013 году на Орловщине, автор проекта скульптор Гюнтер Демниг.

Церемонии закладки камней преткновения (в асфальт или брусчатку вмонтированы латунные таблички с именем, датой рождения и смерти) прошли в Орле и посёлке Кромы. В Орле, на улице 3-й Курской был заложен камень в память об убитых фашистами детях – Аркадии и Белле Рубан. На улице Октябрьской (территория областной детской больницы) – в память о расстрелянном главном враче Анне Левитиной. А в Кромах, в Аллее Славы, появился камень преткновения Агафьи Куренцовой.

...Помните, когда-то сокурсница по университету Валентина написала ей: «Много нового, много тяжёлого может встретиться ещё нам, будут и радость, и горе, но веру в себя, в человека ты не теряй». Казалось бы, очень простые слова, лишённые пафоса. Но такое выпало этому поколению время, что сохранить веру можно было, только пожертвовав собой для спасения людей.